

Некоторые люди, язычники, считают, что вся земля священна. Фелисио считает это глупостью — святую землю освящают, а земля, на которой живут язычники, по определению не может быть святой. Будь его воля, он и не ступил бы своей ногой на земли языческого государства, однако, долг превыше брезгливости днем священника, ночью карателя.

Нельзя ведь допустить, чтобы на место главы уважаемого, всегда поддерживающего Святую Церковь клана пусть преступников, но благородных, села девушка с грязной, запятнанной языческими корнями кровью.

Фелисио достал меч — огромный клеймор с крестообразной рукоятью и большим синим камнем центре крестовины, обвитым искусно выкованными узорами из освященного серебра. Этот меч послужил ему верой и правдой уже не один год, и прослужит еще дольше, до самой его смерти, когда братья и сестры положат его в сколоченный из крепкого дерева гроб, опустят с траурными песнопениями в могилу и закопают, установив мемориальную плиту, а душа его, исповеданная и причащенная, вознесется к своему Создателю.

Он убивает исключительно иноверцев, а значит — чист перед Господом, которого почитает, ведь так же было и с рыцарями в Крестовых Походах, верно? А чем он, священник, не крестоносец, если пришел на языческую землю ради очищения клана, члены которого всегда были преданы католической церкви, от скверной крови синтоистов и буддистов?

Этой ночью прольются реки крови. Отец Фелисио, приходской священник с рассветом, после заката — талантливый фехтовальщик, пронесший это искусство сквозь века и научившийся его основам у своего отца-кузнеца, прикрыл глаза и молча, в уме, вознес молитву Господу об упокоении всех душ, которые этой ночью вознесутся к Нему.

Громкие шаги и сбившееся дыхание доносились неподалеку. Кто-то бежал, спасаясь от неведомой опасности, не подозревая, что направляется прямо в руки другой.

Фелисио никогда не нападал на противника со спины — это некрасиво, это превращает сражение в безжалостное убийство, а он — крестоносец нового времени — не мог быть настолько подлым, а потому он терпеливо ждал, когда девушка — это можно было распознать по грудным звучным выдохам, похожим на тихие стоны, высоким женским голосом — сама придет туда, где ее будущий противник ее дожидался, облокотившись на тяжелый меч.

Поблизости не было полянок: лес густой, хвойный, густо заросший вековыми соснами — неудобное поле битвы, следовало точно выбирать угол и рассчитывать траекторию удара, но ничего, мужчина сражался и в более неудобных условиях. К тому же, противник — невежественная юница. Для победы над такой хватит и одного точного взмаха тяжелым клинком. Нужно лишь хорошо прицелиться.

Девушка, выдохшаяся, пятилась спиной и прижималась к каждому шершавому стволу спиной — чтобы никто не мог ударить в спину. Фелисио не знал, кто ее этому научил, но совет был действительно грамотен: кажется, учитель у девушки был хороший. В свете звезд, луны и огоньков неосторожных светлячков ее огненно-рыжие волосы казались темно-каштановыми,

цвета стволов утонувших в ночной мгле сосновых деревьев. В былые времена эту девушку называли бы ведьмой и сожгли, привязанную к деревянному распятию, а прах похоронили бы на неосвященном клочке земли у кладбища, не оставив ни могильного камня, ни обозначения, где покоится ее прах, но сейчас иной век, иные правила, да и она — последовательница иной веры.

— Приветствую, дитя, — приветствие теплое, как подобает священнику. На лице мягкая улыбка, и лишь блеск клинка в свете луны выдает опасность, от которой девушка начинает мелко дрожать в страхе, сжимая обмотанную цветными лентами рукоять тонкого меча с эллиптической резной гардой в тонких едва изогнутых ножнах. Иноземный меч, языческий, японский. — Надеюсь, этой ночью ты молилась своим богам?

Прежде, чем рыжеволосая успела ответить, сверкнул огромный клинок.

Фелисио выбрал траекторию верно и верно замахнулся, вот только его меч, почему-то, попал не в девушку, а в близстоящее дерево. Почему произошло именно так, мужчина не понимал несколько долгих секунд, озирался, недоуменно моргая, переводя глаза то на рыжую ведьму, без чьих чар точно не обошлось, то вогнанный на несколько сантиметров в толстую, резко запахшую хвойным эфиром древесину клеймор.

— Нехорошо, — насмешливый мужской голос раздался совсем близко, лишь блеснуть успели в темноте медовые глаза. — Вам бы, синьор, выбрать противника посерьезнее, а Вы на девочку нацелились.

— Ямамото-сан... — голос рыжей на удивление окреп, стоило появиться перед ней мужчине-союзнику.

Отец Фелисио недовольно цокнул языком: двое против одного, нечестная игра.

— Испугалась, Аой-тян? — голос не то радостный, не то спокойный: вроде черноволосый мужчина обратился к рыжей с улыбкой, но от интонации веяло опасным холодком, и опасен он был отнюдь не для ведьмы.

— Немного... — девушка прижала к груди маленькую ладошку. Обманщица, ведь недавно тряслась, словно загнанный в ловушку зверь.

Фелисио рывком выдернул меч из дерева. Вовремя: лязг металла на мгновение с непривычки оглушил — слишком тихим был лес — Святой отец парировал удар, метящий прямо ему по горлу — удар умелого убийцы с хорошо отточенными, отполированными, отшлифованными до совершенства инстинктами. Этот человек прошел через немалые препятствия в своей, кажется, совсем не длинной жизни.

Синьор Бартоломео сказал уничтожить и Десятого Вонголу с его хранителями — они тоже язычники — но они, в отличие от трясущихся детей, выбранных фальшивой Надеждой Пандоры, вызывали к себе уважение. Кажется, Вонголе Дечимо пришлось нелегко еще в

детстве. Те, кто прошел через трудности в таком нежном возрасте, заслуживают уважения и поглажек.

— Молодой человек, — священник улыбнулся и пригладил седые бакенбарды большим пальцем левой руки, в правой сжимая рукоять меча. — Не могли бы Вы отойти? Мешаете.

— И смотреть, как старик угрожает слабой девушке клинком в ее рост? Простите, но мне говорили заступаться за женщин. Я не могу оставить ее на верную смерть здесь и с вами.

Один клинок после вдруг стал двумя: техника атрибутов Вонголы, Камбио Форма с животными из коробочек - Фелисио слышал о ней, но не думал, что в живую увидит когда-либо. Кто бы мог подумать, что убить этих детишек Пандоры окажется настолько сложно вместо легкой работенки это перерастало в схватку с опасным противником, с которым сражаться не очень хотелось.

— Аой-тян, помнишь наши занятия? — всего одна фраза заставила рыжеволосую выпрямиться и перестать дрожать, крепко схватившись за меч "катану" на поясе. — Его цель — ты, поэтому парируй те удары, которые я пропущу. Не атакуй. Старайся не пораниться.

В темноте было лишь заметно, как девушка кивнула головой и обнажила клинок. Фелисио вздохнул — передышка закончена, и теперь ему придется сражаться с двумя противниками — низко и подло, но что можно было еще ожидать от противника-язычника. Еще и совсем не удобное поле битвы для вооруженного двуручным мечом — будет непросто, но он не может проиграть.

Это — священная война, в которой чистая кровь Фиоре должна победить помесь, которую внезапно решили назвать боссом после смерти ее отца и братьев. Несчастные дети, за ними было будущее, но они должны были погибнуть так грустно...

Лязг столкнувшихся клинков. Фелисио едва успел вырвать меч из ствола дерева, чтобы париловать удар, краем глаза наблюдая за тем, куда скрывается рыжая ведьма. Не потерять бы из виду — хранитель Вонголы, Ямамото, был прав, когда говорил ей, что охотится будут за ней. Убивать представителей Десятой Вонголы священнику не очень хотелось, они не были его целью, а значит, это столкновение не более чем досадное упущение.

Возможно, с Ямамото удастся поговорить и убедить не защищать медленно заходящую за спину Фелисио девушку — она ведь ему никто, почему бы не согласиться? Или же будет играть в благородство и опять скажет, что в жизни не отдаст женщину на верную смерть, хотя какая из неё женщина, она всего лишь ведьма без понятия о чести бойца.

Резкий разворот на сто восемьдесят градусов — девчонка должна быть где-то здесь, на ведь направлялась ему за спину. Громкий возглас, и его клеймор вновь лязгнул, сталкиваясь с холодным металлом.

— Я ни за что... — руки рыжей дрожали, она еле держала меч, не имея силы противостоять мощи размаха мужчины, способного поднять тяжеленную махину без особого труда. — Ни за что не умру!

Голос надрывный, но уверенный — цепляется за жизнь изо всех сил, какая прелесть. Фелисио, признаться, был даже немного впечатлен, что она смогла избежать его удара, отразить его — по стали ее катаны меч священника проскользил, как по маслу, снова врезаясь в дерево. Как же неудобно.

Позади со свистом нечто разрезало воздух. Рыцарь Арканы Мечей переместил весь вес на руку, сжимающую клинок, и уклонился, ныряя под его крестовину и пиная рыжую ведьму в лодыжку, сбивая с ног — на войне все средства хороши. Рывок, и следующий выпад Ямамото оказался заблокирован — сколько еще раз ему придется вытаскивать меч из древесины? Поистине неудобное поле боя.

— Я не хочу с тобой сражаться, юнец, — чистейшая правда. Эта бессмысленная битва ни за что не нравилась Фелисио ни капли. — Просто отдай мне ведьму и иди с Богом, или кому ты там поклоняешься... Возможно, она тебя очаровала, все ведьмы такие, тогда убить ее тем более дело принципа, ты не понимаешь, что делаешь.

— Станный, — брюнет усмехнулся, вновь замахиваясь одним из двух клинков и напарываясь на клеймор противника: — Где ты увидел ведьму? Аой-тян девочка, которая и мухи не обидит. Если здесь и есть чудовище, то вот оно, передо мной, гоняется с огромным мечом за невинной девушкой.

— Невинной? Где ты увидел невинность? — Фелисио хмыкнул, косясь на Аой, сжимающую в руках меч и готовую в любой момент напасть. — Невинные не держат при себе оружие и не прислуживают полукровке, из-за которой погибли ее братья. Отвратительное создание, чьи сторонники безжалостно расправились с настоящими наследниками... Разве Ханазора Сакура достойна владеть эредитой и руководить Пандорой, если провернула подобное с собственной родней? Вот кто Чудовище. Монстр...

— Чушь! — девичий голос заставил обернуться обоих мужчин. Аой подалась вперед, замахиваясь катаной. Брызнула кровь — Фелисио, не успевая уклониться, схватил клинок рукой, холодным металл впился в ладонь, блестящее в лунном свете лезвие обагрилось. — Сакура-тян не такая! О мафии... Она так убивалась, когда рассказывала нам с девочками! Она никогда не хотела быть чьим-то предводителем! Сакура-тян страдает не меньше нас всех! Как вы можете такое говорить о ней?!

— Дитя, ты так уверена, что знаешь ее хорошо? — ломаный японский, ужасное произношение, наверное, Рыцарю Мечей нужно было быть прилежнее в изучении этого сложного языка, на котором говорил враг. — Ты можешь быть уверена, что это всё не красивая ложь? — мужчина сжал клинок ее катаны и вывернул, отталкивая опасный для себя объект: — По моей информации, после несчастного случая в доме дона Карлоса, девушка... Ева Серра собственной хитростью уничтожила обоих братьев вашей "шестнадцатой", чтобы расчистить ей путь. Разве вы не знаете эту грешную женщину?

Ева Серра. От этого имени аквамариновые глаза рыжеволосой округлились в испуге, а хватка ослабла, и даже Ямамото Такеши перестал нападать.

Уверенный, что находится на правильном пути, Фелисио с уверенностью продолжил:

— Ханазора Сакура — исчадие Дьявола. Разве Ева Серра не приехала сюда для того, чтобы служить ей? Как много ты знаешь о той, кого защищаешь, маленькая ведьма? Вы знакомы совсем недавно, но ты так преданна, бедное дитя. Просто позволь избавить тебя от твоего греха... Ты достаточно настрадалась в этом мире.

Девушка опустила свою голову низко-низко, будто в поклоне. Фелисио поднял меч: жаль обманутую ведьму, но теперь ему лишь нужно завершить свою работу.

— Простите, но я... — голос тихий, почти шёпот. Аой сжала рукоять меча крепче и вновь подняла опущенное лезвие к своему лицу. — Я не верю вам. И сейчас умереть я не могу.

— Странно, — произнес задумчиво Ямамото Такеши, глядя на священника с лицом просветленного, без капли былой кровожадности: — Ты сказал "несчастный случай", старик. Но разве не Аркана Мечей вместе с Бартоломео напала на Карлоса де Фиоре?

— Ересь, — Рыцарь Мечей хмыкнул, втыкая меч в землю: надо бы завершить работенку, но произнесенное хранителем Вонголы было слишком абсурдным. Если нечто подобное и случилось, то Фелисио не участвовал в этом и не имел ни малейшего понятия. — Откуда подобная информация? Кто вам сказал? Ева Серра?

— Да нет, — имя, произнесенное брюнетом позже, заставило священника осесть на землю и нервно засмеяться: — Карлос де Фиоре.

Тяжелый вздох вырвался из уст приходского священника, падающего на землю. Кажется, во всем происходящем он не знал чего-то очень важного, о чем, кроме него, было известно всем остальным Мечам Пандоры.

<http://tl.rulate.ru/book/53929/1370146>